

ЭКСПРЕССИВНЫЕ СРЕДСТВА В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННОЙ ГАЗЕТЫ: ТЕНДЕНЦИИ И ИХ КУЛЬТУРНО-РЕЧЕВАЯ ОЦЕНКА

А. П. СКОВОРОДНИКОВ, Г. А. КОПНИНА

ЭКСПРЕССИВНОСТЬ И ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ

В связи с огромным влиянием средств массовой информации на жизнь и развитие современного общества язык газеты стал объектом многих исследований. Лингвистические работы последних десяти-пятнадцати лет, посвященные языку газеты (именно этот период нас интересует), разрабатывают в основном культурно-речевой, социолингвистический и экспрессиологический аспекты¹. Данная статья посвящена экспрессивным средствам языка публицистики и их культурно-речевой оценке. Причем многоаспектность темы побуждает нас сосредоточить внимание главным образом на двух чрезвычайно характерных и значимых для раскрытия указанной темы процессах, которые можно обозначить как жаргонизацию и фигуризацию языка современной российской газеты.

Поскольку нет единой точки зрения на определение и соотношение понятий экспрессивности и выразительности, представим такие их дефиниции, на основе которых будет рассматриваться речевой материал. В отличие от некоторых авторов, мы не считаем экспрессивность и выразительность тождественными понятиями и включаем экспрессивность в более широкую категорию выразительности. Выразительность определяется нами как совокупность таких качеств речи, которые обеспечивают ее полноценное восприятие адресатом, т. е. восприятие, максимально приближенное к адекватному интенции автора пониманию и переживанию передаваемой информации. Выразительность речи, в том числе публицистической, часто достигается за счет экспрессивности, под которой мы понимаем такие признаки языковой / речевой единицы, благодаря которым говорящий / пишущий выражает свое субъективное отношение к содержанию речи или ее адресату (через категории эмоциональности, оценочности, образности и интенсивности).

Исследователи языка газеты советского периода к наиболее типичным источникам его экспрессивности относят такие явления, как «ре-

¹ См., например: [2: 281-317], [6], [9], [14], [26], [27], [36], [37]. См. также [16], [32], [1], [8], [17], [23], [28] и др.

флексия разговорности, широкое обращение к иноязычной и терминологической лексике, ориентация на язык беллетристики и широкое заимствование его приемов и средств», а также «формально-семантическая трансформация (обновление) фразеологических оборотов» [13: 165]. Все эти приемы представлены и в современной газете, которая в сравнении с газетными текстами «доперестроечного» периода отличается повышенной экспрессивностью (в частности, большим разнообразием и частотностью этих приемов). Эта повышенная экспрессивность современного газетного текста достигается на уровне лексики разными способами, в том числе за счет широкого внедрения разговорных и жаргонных слов и оборотов.

РАЗГОВОРНАЯ И ЖАРГОННАЯ ЛЕКСИКА

Использование разговорных слов и оборотов в экспрессивных целях для газетных текстов явление не новое и, как правило, не вызывающее возражений (за исключением случаев их вульгарности и тем более нецензурности). Они выступают как «законное» средство экспрессивизации газетного текста (его оценочности, «интимизации», усиления эмоциональности и т. д.). Например, в авторской речи журналиста: *Раньше в присутствии телекамер «любимый руководитель» северных корейцев тушевался, не размыкая губ даже для формального приветствия* (АиФ. 2002. № 35); *Бывает, таблетку выпил, полчаса выждал — эффект нулевой. Надули!* (АиФ. 2002. № 37); *Семилетний двухметровый Golf [иномарка], который сейчас вполне можно найти за \$ 5 тыс., подскочит до \$ 7,5 тыс.* (АиФ. 2002. № 36).

Что касается массового употребления жаргонизмов и жаргоноидов (генетических жаргонизмов) в публицистической и вообще в публичной речи, то это явление по преимуществу оценивается негативно. Так, например, С. И. Виноградов, обращая внимание на вхождение жаргонизмов в язык газеты, дает этому явлению скорее негативную, чем позитивную оценку, связывая использование жаргонной лексики и фразеологии с вульгаризацией языка: «Резко понизился порог приемлемости в использовании маргинальной и нелитературной лексики (вульгаризмов, жаргонизмов, бранных слов)» [3: 315]². Имея в виду жаргонную лексику (типа *крутой, тусовка, тусоваться, крыша поехала, быть в отключке, нахапать, разборки, наехать, общак, кинуть, обуть, замочить* и т. п.), М. Н. Панова полагает, что «эти слова несут в себе «заряд» психологии и мировоззрения криминального мира, поэтому их массовое использование в речи далеко не безобидно. Вполне логично выглядит такое развитие событий: от ненормативной лексики — к

² Негативно оценивают роль жаргонизмов в литературной речи и другие авторы указанной коллективной монографии (см. [3: 12, 171, 377]).

ненормативным действиям» [22: 33]³. О. Б. Сиротина объясняет происходящее в наше время снижение речевой культуры общества тем, что широкое распространение в СМИ получили фамильярно-разговорный и средне-литературный типы речевой культуры, для которых характерно, наряду с системными нарушениями языковой нормы, использование просторечий и жаргонизмов. На этом основании она делает вывод о том, что «именно речь журналистов и писателей дает основание говорить о катастрофическом состоянии русского языка» [25: 246]. Причем О. Б. Сиротина считает нецелесообразным в лексикографической практике делать уступки средне-литературной речевой культуре ([25: 247]).

Такая отрицательная оценка роли жаргонизмов в литературных текстах и вообще в речи людей, претендующих на статус «культурных», достаточно распространена среди писателей и лингвистов и имеет под собой серьезные основания, так как в настоящее время наблюдается массовое и стилистически не мотивированное употребление жаргонных слов, приводящее к вульгаризации публичной речи. Между тем нельзя не прислушаться к суждениям тех специалистов в области языка СМИ, которые считают, как, например, Я. Н. Засурский, что использование жаргонизмов в журналистской речи как процесс динамического развития языка заслуживает специального изучения ([10: 5]). Еще более определенно говорит Л. П. Крысин, отмечая, что однозначно негативная оценка влияния жаргона на литературный язык возникает, «если рассматривать процесс жаргонизации литературной речи исключительно с позиций традиционной нормы, не допуская мысли о неизбежном обновлении и набора выразительных средств в ходе языковой эволюции» [15: 32].

Исключительно негативная оценка использования жаргонных слов в газетных текстах часто входит в противоречие с реальной языковой практикой. Так, вряд ли можно упрекнуть в отсутствии речевой культуры журналистов, которые, не теряя чувства меры, используют слова и обороты жаргонного происхождения с целью достижения выразительного эффекта. Например: *Обычное отмывание денег бизнес-структурами через присосавшиеся к ним псевдонаучные институты* (АиФ. 2002. № 33). В «Большом толковом словаре русского языка» (далее — БТСРЯ) слово отмыть (в значении «с помощью финансовых операций обратить деньги, полученные незаконным путем, в законный доход») квалифицируется как жаргонное ([2: 753]). Мотивированность употребления этого глагола в публицистическом контексте обусловлена отсутствием в русском языке синонима-эквивалента (описательная замена была бы очень неэкономна, о чем свидетельствует приведенное в

³ Аналогичную оценку таких жаргонизмов, как *разборка, совок, ломка, тусоваться, оттянуться, наехать, ловить кайф, сидеть на изле, крыша поехала*, см.: в «Русской речи» (1999. № 4. С. 4–5).

словарях определению), а также ясной внутренней формой, способствующей адекватному пониманию информации и некоторой изобразительности. Аналогичная мотивированность прослеживается в отношении использования жаргонного слова *братва*, которое в «Большом словаре русского жаргона» (далее — БСРЖ) объясняется как «члены группировок рэкетиров, криминальных структур в экономике, мафиозных группировок» [18: 75]⁴: — <...> *Братва, которая здесь кормится, теряет свою грядку* (Комсомольская правда. 2002. 20 сент.). Поскольку это слово из речи персонажа — продавца автомобилей, то его использование выполняет характерологическую функцию.

Стилистически оправданным может быть не только употребление отдельных жаргонных лексем, но и фразеологизмов жаргонного происхождения. Так, выразительность следующего текста достигается использованием не только нейтральных слов и разговорно-сниженного слова *тягомотина*, но и фразеологического жаргоноида *дать на лапу* в значении «давать взятку кому-л.» [18: 309]: *Оформление — тягомотина на полмесяца. Можно быстрее, но ты должен знать, кому дать на лапу* (Комсомольская правда. 2002. 20 сент.).

Выразительность жаргонных слов и словосочетаний проявляется в том, что они могут использоваться как средство для создания стилистических фигур. Так, например, жаргонный фразеологизм *подсесть на иглу* («стать наркоманом») использован в следующем газетном заголовке: *Террористы подсели на российскую «Иглу»* (АиФ. 2002. № 36) «Игла» здесь — название переносного зенитно-ракетного комплекса. В этом газетном заголовке представлен каламбур полисемического типа. Еще пример: *У всех этих людей (психотерапевтов. — А. С. и Г. К.), конечно, крыша не месте не стоит. Но направление, в котором она едет, исключительно перспективно: это наша с вами душа, истерзанная всякого рода терактами XX века* (Новая газета. 2000. 23–26 нояб.). Фразеологизм *крыша едет* со значением «сходит с ума», который квалифицируется как жаргонный ([18: 296]) или разговорно-сниженный ([2: 476]), здесь преобразован структурно и семантически (фигура разложения или трансформации фразеологизма).

Важно обратить внимание на то, что во всех приведенных примерах употребление жаргонных по происхождению слов и оборотов, привнося в текст необходимые по авторскому замыслу экспрессивно-оценочные тональности, не влечет за собой нарушения этической нормы (не привносит в текст инвективности, похабности, оскорбительной грубости, цинизма и т. п.).

ИЗМЕНЕНИЕ ЯЗЫКОВОГО СТАТУСА НЕКОТОРЫХ ЖАРГОНИЗМОВ

В связи с выразительным потенциалом, таящимся в некоторых жаргонных словах и выражениях, наблюдается процесс не только окказио-

⁴ Ср. квалификацию этого слова в БТСРЯ как фамильярного ([2: 95]).

нального использования их в тех или иных газетно-публицистических текстах, но и процесс изменения их языкового статуса с переходом в экспрессивный слой разговорной лексики и фразеологии литературного языка. Это прослеживается в сопоставлении жаргонизмов, употребляемых в современной прессе, с данными толковых словарей: указанного выше «Большого толкового словаря русского языка», «Толкового словаря русского языка конца XX века» (далее — ТСРЯ XX) [32], а также «Словаря русского языка» [31]. Для анализа были взяты по принципу случайной выборки 10 центральных газет («Аргументы и факты» — № 33, 35–37 за 2002 г.; «Комсомольская правда» — 13 сент., 20 сент., 27 сент., 4 окт., 18 окт. 2002 г., «Литературная газета» — № 42 за 2002 г.).

При этом для сопоставления отбирались только те жаргонные слова, которые используются преимущественно в авторской речи журналистов и включены в БСРЖ и хотя бы в один из названных выше толковых словарей современного русского языка с пометой «разг.» или «разг.-сниж.». Таких слов оказалось 36⁵: *накроется* (перестанет существовать), *алкаши* (алкоголики), *чернуха* (что-либо гнетущее, удручающее), *«быки»* (крупные, сильные мужчины), *мент* (милиционер), *«капать»* (доносить, жаловаться), *зэк* (заключенный), *«кореш»* (приятель), *«за бугор»* (за границу), *безнадега* (безнадежная ситуация), *наварить* (получить прибыль), *навар* (прибыль), *«завязать»* (прекратить что-л. делать), *зеленые, зелень* (доллары), *с прибабахами* (со странностями), *тусовка* (компания, круг общения), *«засекли»* (заметили), *выпендренный* (вызывающий, необычный), *«достать»* (надоесть), *«хвосты»* (академические задолженности), *«чайник»* (неумелый), *«химичить»* (хитрить, плутовать), *«нелегалки»* (занимающиеся нелегальной деятельностью), *доить* (эксплуатировать), *водила* (водитель), *«пофигисты»* (безразличные), *«раскрутить»* (популяризировать), *раскрутка, хит* (что-л. популярное), *разборка* (разбирательство, выяснение отношений, сведение счетов), *беспредел* (произвол, беззаконие), *врубиться* (начинать понимать), *«заначка»* (припрятанные деньги), *тельник* (тельняшка), *халтура* (недоброкачественная вещь; небрежно, наспех, кое-как выполненная работа).

Сопоставление данных словарей показывает наметившуюся тенденцию вхождения этих жаргонных слов в литературный язык, которая выражается в векторе смены стилистических помет: жарг. → разг.-сниж. → разг. Причем почти все из взятых жаргонных слов, за исключением трех (*капать, кореш, завязать*), отсутствуют в четырехтомном «Словаре русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой, издававшемся в 1985–1988 гг., что свидетельствует об их вхождении в разговорно-экспрессивный слой литературного языка в последние десять-пятнадцать лет.

Кроме вышеприведенных слов, в указанных газетах содержится большая группа жаргонизмов, которые получили отражение в толковых словарях русского языка с пометой «жарг.»: *нахаляву* (даром, бес-

⁵ Здесь и далее в кавычки заключены те слова, которые в таком виде употреблены в обследованных текстах.

платно), *срок* (отбыть срок), *бабки* (деньги), *тачка* (автомашина), *прикальваться* (шутить, разыгрывать), *шмальнуть* (выстрелить), *баксы* (деньги), *отморозки* (глупые, недалекие люди; члены криминальных группировок), *отмывание денег*, *халява* (что-либо дармовое), *халявный*, *клево* (хорошо, прекрасно), *кинуть* (обмануть), *лохотрон* (уличная лотерея, устраиваемая мошенниками), *лох* (глупый, наивный человек), *физра* (урок физкультуры), *попса* (популярная музыка), *кадрить* (обольщать), *кайфовый* (хороший, прекрасный), *«оттянуться»* (отдохнуть, получить удовольствие), *замочить* (убить), *заточка* (самодельный нож), *понт* (кураж, гонор), *наехать* (провоцировать конфликт), *«оторваться»* (приятно провести время), *в натуре* (в самом деле), *убойный* (превосходный). Учитывая, что в БТСРЯ и ТСРЯ XX отбирались те слова, которые получили распространение в литературной речи, то сам факт помещения этих жаргонизмов в толковые словари современного русского языка свидетельствует о том или ином этапе их вхождения в разговорный слой литературного языка.

Кроме того, на страницах газет выделяется группа слов и выражений, которые отмечены в БСРЖ, но не получили отражения в указанных выше толковых словарях современного русского языка. Сюда из обследованных десяти газет относятся слова: *завалить* (убить), *зависнуть* (остановиться, застыть), *отстегнуть* (о деньгах), *впарить* (продать по завышенной цене), *мерс* (автомобиль марки «Мерседес»), *растаможка* (оформление документов в таможне), *растаможить*, *жучок* (посредник), *«японки»* (автомобили, выпущенные в Японии), *гикнется* (прекратится), *гайки* (массивные кольца, перстни), *повязать* (арестовать), *«авторитет»* (человек, влиятельный в криминальных кругах), *нехило* (хорошо), *«бытовуха»* (преступление, совершенное на бытовой почве), *«бытовик»* (человек, совершивший бытовое преступление), *откосить* (уклониться), *«чехи»* (чеченцы), *слить* (пропустить, дать информацию), *по барабану* (безразлично), *по полной программе* (в полной мере), *пацан* (член молодежной группировки), *разводить* (обманывать), *ботать по фене* (говорить на воровском жаргоне), *братва* (члены криминальных группировок), *военка* (военная кафедра), *сделать* (опередить, обойти кого-л. в чем-л.), *впендюриться* (удариться во что-л.), *«стрелка»* (встреча, свидание), *«загреметь»* (быть арестованным). Некоторые из слов этой группы достаточно регулярно используются не только в газетных текстах, но и в телевизионной речи (*растаможить*, *авторитет*, *братва*, *по полной программе*, *отстегнуть*).

Единичны случаи, когда слово, зафиксированное в словаре жаргонов, с аналогичным значением подается в одном из толковых словарей современного русского языка без ограничительных стилистических помет. Например: *«раскручивать»* (популяризовать, широко рекламировать) и, соответственно, *«раскрутка»* (муз. — БСРЖ [18: 502]; перен. разг. — ТСРЯ XX [32: 536]; без помет — БТСРЯ [2: 1090]); *хит* в значении «что-либо популярное» (мол. — БСРЖ [18: 648]; разг. — ТСРЯ XX

[32: 659]; без помет — БТСРЯ [2: 1442]); *бомж* (жрр. — БСРЖ [18: 71]; разг. — ТСРЯ XX [32: 109]; без помет — БТСРЯ [2: 91]).

В обследованных текстах встретились также жаргонные слова, интуитивно определяемые как жаргонные, но не зафиксированные ни в БСРЖ, ни в указанных толковых словарях. К ним относятся: «сушка» (военный самолет марки «СУ»), «крузак» (автомобиль марки «Land Cruiser»), *трандец* (конец), *охренеть* (обалдеть), *засадить* (выстрелить), глотать *шланг* (гастроскоп), *таблоид* (газетчик). В отношении этих слов на данном этапе нет оснований делать какие-либо предположения о возможности их закрепления в узусе.

Таким образом, намечаются пять этапов вхождения жаргонизмов в узус:

- 1) употребление в газетных текстах жаргонных слов и выражений, не зафиксированных лингвистическими словарями;
- 2) употребление в газетных текстах жаргонных слов и выражений, отраженных в словарях жаргонов, но не зафиксированных в толковых словарях современного русского языка;
- 3) употребление жаргонных слов и выражений, зафиксированных не только в словарях жаргонов, но и в толковых словарях современного русского языка с пометой «жарг.»;
- 4) употребление жаргонных слов и выражений, зафиксированных словарями жаргонов и словарями современного русского языка с пометой «разг.» или «разг.-сниж»;
- 5) употребление жаргонных слов и выражений, зафиксированных в словарях жаргонов и хотя бы в одном из толковых словарей современного русского языка без ограничительных помет (т. е. переходящих в разряд жаргоноидов).

Констатируя широкое распространение жаргонизмов в современной речи, авторы «Большого словаря русского жаргона» В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитина отмечают, что «не все в жаргонной стихии, разумеется, живительно, и тем более не все эстетично. В этом стремительном потоке немало взбаламученного, грубого, вульгарного. Не случайно экспансия жаргона обычно приходится на эпохи бурных социальных потрясений — революций, смут, катаклизмов. Но со временем взбаламученные воды успокаиваются, муть оседает на дно или уносится в безбрежный речевой океан, а живительная свобода остается очищающим течением в языковой системе» [18: 3]. К сожалению, в газетных текстах немало таких элементов, которые, вслед за указанными авторами, можно назвать «мутью», не достойной не только популяризации, но просто употребления в культурной среде. Что же касается «живительной свободы», то ее придают современному газетному тексту те жаргонизмы, которые соответствуют, по нашим наблюдениям, следующим критериям: жаргонизм заполняет лексико-семантическую лакуну в системе языка в соответствии с принципом экономии усилий; расширяет эмо-

ционально-оценочные и экспрессивно-образные возможности языка⁶; пополняет синонимический ряд в системе литературного языка⁷. В большинстве случаев жаргонизмы, входящие в систему литературного языка, соответствуют одновременно нескольким из перечисленных критериев. Например: *Надо остановить беспредел с ценами на энергоресурсы* (Литературная газета. 2002. № 34). В данном контексте жаргоноид *беспредел* позволяет выразить соответствующее значение лаконично и оценочно (Ср.: *Надо остановить необоснованное, незаконное повышение цен на энергоресурсы*).

Аналогичный эффект достигается употреблением жаргоноида *тусовка* и жаргонизма *халтура*: *Политическую тусовку взбудоражила весть о создании нового губернаторского блока — противовеса «Отечеству — всей России»* (АиФ. 1999. № 35); *АРСовцы сетовали на потерю как читательского, так и писательского интереса к традиционным толстым журналам <...> в то же время отмечая, что нести в журнал заведомую халтуру по-прежнему считается неприличным в литературном сообществе* (Литературная газета. 2002. № 42).

Приведем и другие примеры оправданного использования жаргонизмов / жаргоноидов в литературной речи: *Нормальные люди редко заходят посидеть в тени бедного скверика, так как боятся бомжей и наглых птиц* (Сегодняшняя газета. 2002. № 73). Жаргоноид *бомжи*, обозначая людей определенного социального статуса, заполняет лексико-семантическую лакуну и расширяет синонимические возможности языка (ср.: *бездомные, бродяги, босяки*). *Президенту «заложат» полпреда* (АиФ. 1999. № 38) — заголовок заметки о том, что «в Кремль, по слухам, уже потянулись ходоки с целью убедить президента, что это — серьезная недоработка полпреда С. Кириенко»; жаргонизм «заложить» придает заголовку остро оценочный характер и рекламность.

Яркие экспрессивные коннотации, присущие жаргонизмам и жаргоноидам, позволяют использовать их в эмоционально-оценочной и рекламной функциях (см. примеры выше). Жаргонизмы в газете могут использоваться также в функции пародирования. Причем в этой функции используются чаще жаргонизмы, не соответствующие обозначенным выше критериям их вхождения в литературный язык. Например:

⁶ Бранко Тошович отмечает, что жаргонная речь «дает интересные образцы того, как надо строить новые слова, создавать яркие метафоры. <...> В языке трудно найти какую-нибудь другую разновидность речи, которая бы могла конкурировать с жаргоном по уровню метафоризации. Последнее часто сопровождается сильной эмоциональностью» [33: 444, 448].

⁷ «В столкновении новых или малоупотребительных лексических единиц (заимствования, жаргонизмы, элементы терминосистем), единиц, переместившихся с периферии словарного состава, с их более привычными синонимами, как правило, рождается не только определенный стилистический эффект, но и осуществляется значимое для говорящего приращение смысла» [35: 470].

Газеты чисто конкретно должны в натуре жестианку отобразить. Что они и делают, стараясь изо всех сил. Правильно базарю, пацаны? (Сегодняшняя газета. 2002. 9 февр.). Выделенные в этом тексте жаргонизмы не отвечают также условиям понятности, ясности смысла и регулярной повторяемости в текстах СМИ, т. е. не обладают чертами, свойственными словам так называемого общего жаргона⁸.

Многие слова и выражения жаргонного происхождения, используемые журналистами в функции экспрессивно-оценочных средств или средств «интимизации повествования», стали настолько привычными, что носители литературного языка считают их употребление в газетной речи вполне естественным, а иногда и вовсе их не замечают. Так, например, в эксперименте с десятью университетскими преподавателями гуманитарных специальностей (пять из них — доктора наук) был предъявлен текст газетной заметки «Майор с Лубянки поднял бунт» (Литературная газета. 2002. 21–27 авг.), рассказывающей о бывшем майоре КГБ, который 13 лет назад стал работать на английскую внешнюю разведку. В этой заметке употреблено по крайней мере пять жаргонизмов в следующих предложениях (по условиям экономии места даем эти предложения вне широкого контекста)⁹: 1. *С подачи неизвестного Гордиевского Бутков стал работать на МИ-6.* 2. *Тем не менее 44-летний Бутков, которому «светит» суровое наказание, если он вернется в Россию, на днях публично сетовал, что прежние хозяева его предали.* 3. *И он [Ричард Томлинсон] отомстил обидчикам по полной программе — обнародовал недавно через Интернет имена 117 (!) английских шпионов.* 4. *Сейчас разведка зализывает раны, осторожно меняя засвеченных агентов.* 5. *Это тайна за семью печатями, однако вашему корреспонденту удалось узнать, что Бутков и его подельники вымогали деньги у бизнесменов из России.* Лишь четыре информанта из десяти обратили внимание на слова «светит» (оно выделено автором заметки кавычками), засвеченных и подельники, квалифицируя их как экспрессивные, но вполне уместные; остальные слова жаргонного происхождения не вызвали какой-либо реакции информантов.

Мы полагаем, что широкое внедрение жаргонизмов в «нижние» слои литературного языка можно считать своеобразным компенсаторным процессом, связанным с «угасанием» территориальных диалектов как источников пополнения литературного языка вообще и его экспрессивного фонда в частности. Косвенно это подтверждают данные исследований А. С. Герда, Т. И. Ерофеевой, Г. П. Немищенко ([4], [7], [21]).

⁸ «Существенно, что им (общим жаргоном. — А. С. и Г. К.) владеют в числе прочих образованные носители русского литературного языка и что он с достаточно высокой частотностью встречается в языке СМИ, через которые и распространяется» [24: 418].

⁹ Данные о жаргонном происхождении выделенных слов см. в БСРЖ ([18: 444, 527, 481, 212, 445]).

Стилистически обусловленное использование жаргонизмов и жаргонидов является хотя и очень заметным, но не единственным средством создания экспрессивности газетной речи. Не менее эффективным средством экспрессивизации газетного текста являются разнообразные речевые приемы, которые лишь частично могут быть объяснены и описаны в рамках традиционной теории стилистических фигур, что побуждает нас расширить понятие речевого (риторического) приема как прагматически мотивированного отклонения от нормы в широком ее понимании. Норма в таком случае рассматривается как «понятие, обозначающее границы, в которых вещи, явления, природные и общественные системы, виды человеческой деятельности и общения сохраняют свои качества, функции, формы воспроизводства» [11: 579]. Отклонения от нормы в таком ее понимании фиксируются в речи, но не обязательно являются нарушением собственно языковых норм. Кроме прагматически мотивированных отклонений от языковых и речевых норм, лежащих в основе стилистических приемов, прагматически мотивированными могут быть фиксируемые в речи отклонения от норм логических, этологических и онтологических, соответственно являющихся основой приемов паралогических, параэтологических и параонтологических ([30], [29]).

Для создания экспрессивных контекстов в современной газете широкое распространение по сравнению с началом восьмидесятых годов прошлого века получили такие стилистические риторические приемы, как окказиональное словообразование, перифраза, эвфемизм, антифразис, реминисценция, прием столкновения слов с разной стилистической окраской, градация, амплификация, антитеза, парентеза, изоклон, парцелляция, графон, трансформация фразеологизма, каламбуры различного типа и др. Проиллюстрируем некоторые из них: *Не имеют под собой реальных оснований и чьи-то попытки сравнить возню вокруг Баскова с идолопоклонством «лемешисток» и «козловитянок» — разные масштабы* (АиФ. 2000. № 43) — прием окказионального словообразования в функции иронической оценки; *Гнездо они [ласточки] располагают так, чтобы кот к нему никак не мог подобраться. Но случаются и ошибки. И дворовые тигры непременно этим воспользуются* (Комсомольская правда. 1999. 21 мая) — перифраза в изобразительной функции; *Год назад навсегда ушел в священную страну предков добродетельный талантливый человек — писатель и странник, свидетель нашего времени Александр Степанович Ероховец* (Красноярский рабочий. 2002. 15 июня) — эвфемизм в функции создания торжественности, приподнятости стиля; *Люди в большинстве своем не желают потреблять ту грязь, которую «честные и беззаветно служащие народу» кандидаты льют друг на друга во время предвыборных баталий, и потом с ум-*

ным видом рассуждать, кто из потенциальных «народных слуг» менее вор, чем другой (Красноярская газета. 2002. 28 июня) — антифразис в функции разоблачительно-сатирической оценки; ...*Двойник Бориса Немцова* <...> *пламенно травить баланду о фашистской сталинской эпохе* (Завтра. 2000. № 42) — столкновение книжного слова пламенно и жаргонного словосочетания *травить баланду* служит созданию отрицательной характеристики; *Интернет кишмя-кишит начинающими писателями, известными писателями, видными писателями, выдающимися писателями и просто графоманами* (Завтра. 2000. № 51) — градация в функции создания иронического контекста; *Приморье стало полигоном, подобным Семипалатинску, где впервые на русском населении было испытано «цивилизованное» оружие, когда нажатием кнопки в кабинете РАО ЭЭС парализуется инфраструктура огромного края — и тот начинает остывать, как труп, во всей своей полноте: от жилых квартир, операционных, административных кабинетов, военных баз, православных храмов, электровозов, систем правительственной и космической связи* (Завтра. 2001. № 7) — амплификация в усилительно-образовательной функции; *Николай II любил считать броненосцы, Сталин — танковые армии, Брежнев — баллистические ракеты. А граждане великой страны, вышедшей на околоземную орбиту, стояли в очереди за «суповыми наборами» и покупали трусы по талонам месткома* (АиФ. 2000. № 45) — антитеза в оценочной функции; *Но в силу многих обстоятельств непростой жизни Арсеньева, оборвавшейся неожиданно рано (он был человеком недюжинного здоровья, крепким и выносливым) — в 58 лет...* (Литературная газета. 2002. 16–22 окт.) — парентеза в функции добавочного замечания, подчеркивающего мысль о преждевременности смерти; *Выходит следующее: в стране продолжают существовать территории, не подконтрольные закону. Вообще. Там можно спрятать любого. Там можно укрыть любого. Там можно замести любые следы. Там можно умертвить любого...* (Новая газета. 2000. 19–22 окт.) — изоколон в сочетании с анаэпифорой выполняет актуализирующую и ритмообразующую функции; *Это значит, что столько людей, проголосовавших за свою партию, просто остаются без представительства в парламенте. В наших условиях это безумие. И неприличие* (Литературная газета. 2002. 16–22 окт.) — парцелляция в функции выделения наиболее важной информации; *Так и хочется ПРЕСЛИзиться* (Комсомольская правда. 1993. 11 марта; заголовок статьи об Элвисе Пресли) — графон, выполняющий функцию привлечения внимания читателя, т. е. рекламную функцию.

Некоторые стилистические фигуры, функционирующие в современных газетных текстах, строятся одновременно на отклонении от нормы языковой и нормы логической, например оксюморон: *Худосочный богатырь подведет под монастырь* (АиФ. 2000. № 41) — выделенное словосочетание демонстрирует отклонение от нормы лексической сочетаемости и от логического закона противоречия; силлепсис: *По-прежнему*

в России — плохие дороги, Аяцков, туберкулез, скользкая, как костный клей, либеральная интеллигенция (Завтра. 2000. № 14) — нарушение однородности перечислительного ряда является одновременно отклонением от синтаксической и логической нормы (логического закона тождества).

Широко представлены в газетных текстах (особенно в заголовках) фоностилистические приемы, например: *Пока не вытали снега — на огород давить врага* (Комсомольская правда. 2002. 11 окт.); *С добрым утром, тетя Хая, вам привет от Мордехая* (Сегодняшняя газета. 2002. 8–14 июля); *На больничные подушки ляжет тот, кто ел свинушки* (Комсомольская правда. 2000. 15 июля); *Сегодня я купил гранату — конец родному деканату* (Комсомольская правда. 2000. 15 сент.); *Нет лучше жениха на свете, чем парень в голубом берете* (Комсомольская правда. 2000. 4 авг.).

Анализ современных газетных текстов свидетельствует о поисках журналистами свежих тропических средств. Это можно проиллюстрировать фактом семантического и структурного разнообразия сравнений. Ср.: *Верные отключения страшным пулеметом выкашивают целые регионы, оставляя горы трупов и развалины индустриальных центров* (Завтра. 2000. № 39); *Иные дороги уже нашпигованы минами, как украинская колбаса салом* (Комсомольская правда. 2000. 20 сент.); *В попытках нынешней элиты лепить из России образ великой державы есть что-то от разговоров в салоне Анны Павловны Шерер, где пресмыкались перед всем французским в 1805-м и осудили оное 7 лет спустя* (Литературная газета. 2002. № 42); *Вырубить тополь из-за пуха и моли — то же самое, что отрубить умную голову из-за перхоти* (АиФ. 2000. № 41); *Словно второй муж прижимистой супруги, президент № 2 вынужден донашивать все оставшееся в шкафу от мужа прежнего, даром что вышло из моды, где-то жмет, а где-то провисает* (Новая газета. 2000. № 28); *Под одной крышей теперь находятся Госкомсервер с северным заводом, торговля, валютно-экспортный контроль. «Все равно как если бы Берия вызвал к себе Курчатова и сказал: «Вы должны в течение трех лет сделать атомную бомбу, но учтите, что все эти три года вы будете работать регулирующим на улице Горького»», — комментирует положение Грефа директор Института проблем глобализации Михаил Дерягин* (АиФ. 2000. № 42); *Шахрай убежал из Кремля — так комар, не находя себе пищи, слетает со лба покойника* (Завтра. 1998. № 27); *Пятясь каракатицей, исчез Черномырдин, плеснув напоследок в лицо народа черную струю* (Завтра. 1998. № 37); *За неделю в помойке фактов скапливается так много отбросов, что невольно превращаешься в мусорицика. В фартуке, с железным крючком роешься в сорных ящиках, извлекая тухлую дрянь, которой забрасывает нас власть, российская и мировая* (Завтра. 1998. № 8).

Как видно из большинства приведенных примеров, для современного газетного текста чрезвычайно характерна оценочность в ее коми-

ческой ипостаси (с преобладанием иронических и сатирических тоналностей). Причем наблюдается тенденция использования речевых (риторических) приемов в контексте языковой игры.

Самой распространенной разновидностью языковой игры в газетных текстах является каламбур — прием, основанный на неканоническом (ненормативном) использовании в речи парадигматических лексических отношений: омонимии, паронимии, антонимии, полисемии. Например: *Многие реформаторы учились в американских учебных цэрэушных заведениях, а, значит, попутно с разграблением бюджета решали не менее главную задачу — превращение мощи нашей армии просто в мощи* (АиФ. 2000. № 50) — омонимический каламбур; *В России одно из двух: или харизматический лидер, или маразматический* (АиФ. 2001. № 8) — паронимастический каламбур; *Поклон сужает кругозор, но расширяет перспективы* (Литературная газета. 1995. 8 нояб.) — псевдоантонимический каламбур; *... Чтобы найти площадь Маркса, надо длину Маркса умножить на ширину Маркса* (Твой Додыр. 2001. 2–8 апр.) — полисемический (амфиболический) каламбур.

Комический эффект в газетных текстах создается использованием как упомянутых выше каламбуров, так и рядом других стилистических приемов, в частности приемом трансформации фразеологических единиц в широком понимании (собственно фразеологизмов, крылатых слов, пословиц, поговорок, терминологических сочетаний и т. п.), особенно характерном для газетных заголовков. Например: *Долг синяком красен* (Новая газета. 2000. 31 янв. — 6 февр.). Ср.: Долг платежом красен; *Пальма преткновения* (Труд. 2001. 21 марта — 4 апр.). Ср.: камень преткновения; *Ждать ли от Мори хорошей погоды* (Московский комсомолец в Иркутске. 2001. 22–29 марта). Ср.: ждать у моря погоды; *Килька осетру не товарищ* (АиФ. 2002. № 37). Ср.: Пеший конному не товарищ; *На то и теща, чтобы зять не дремал* (АиФ. 2002. № 46). Ср.: На то и щука в море, чтобы карась не дремал; *К штыку приравняли кино?* (Новая газета. 2000. 7 февр.). Ср.: «Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо» (В. В. Маяковский); *Его звали Никита...* (АиФ. 2000. № 41). Ср. с названием кинофильма «Ее звали Никита»; *Чем меньше знаем мы законы, тем больше любят они нас* (Новая газета. 2000. 31 янв.). Ср.: «Чем меньше женщину мы любим, Тем легче нравимся мы ей...» (А. С. Пушкин); *Товары народного злоупотребления* (Комсомольская правда. 1993. 11 февр.). Ср.: товары народного потребления; *Средства массовой дебилизации* (Литературная Россия. 1992. 24 апр.). Ср.: средства массовой информации; *Страна восходящего секса* (Твой Додыр. 2001. 26 февр. — 4 марта). Ср.: страна восходящего солнца.

Прием трансформации фразеологических единиц широко используется в малоформатных комических речевых жанрах, функционирующих в газете автономно. Например: *...И волки сыты, и овцы целы, и пастуху вечная память...* (Твой Додыр. 2001. № 35) — шутливая пословица (ср.: И волки сыты, и овцы целы); *Скромность украшает, но оставляет го-*

лодным (Твой Додыр. 2001. № 23) — шуточный афоризм (ср.: Скромность украшает человека); *Человек создан для счастья, как птица для бульона* (Твой Додыр. 2001. № 36) — шуточные крылатые слова. Ср.: «Человек создан для счастья, как птица для полета» (А. П. Чехов).

Прием трансформации фразеологизма (в широком его понимании) строится на отклонении от языковой нормы (языкового стереотипа). Экспрессивные эффекты могут достигаться в газетной публицистике также с помощью отклонений от речевой нормы, понимаемой как среднестатистические стилевые и жанровые характеристики текста, а также стандартные пресуппозиции. С отклонением от речевой нормы связан эффект «обманутого ожидания» в узком его понимании (эффект, наблюдаемый при рассогласовании асертивной и пресуппозитивной частей высказывания). На основе нарушений речевой нормы, создающих эффект «обманутого ожидания», построены, например, следующие газетные тексты, реализующие прием синтаксической антиципации: *После команды «отбой» все должны лежать в своих кроватях и думать о ней... Я имею в виду о службе* (АиФ. 1998. № 31); *Жена о ней подозревала, иногда ревновала, иногда устраивала по этому поводу скандалы. Но когда однажды утром узнала, что соперница исчезла, захохла и принялась утешать подавленного и растерянного Василия Степановича. Старенькие «Жигули» второй модели, та самая любовь, каждое утро поджидали Василия Степановича во дворе дома* (АиФ. 2000. № 43).

Эффект «обманутого ожидания» может возникать на стыке заголовка и текста: *С пеной у рта* [заголовок]. *В Липецке пивоманы устроили партийный праздник* [подзаголовок] (Комсомольская правда. 1995. 8 февр.). Здесь смысловая проекция, исходящая от фразеологизма *с пеной у рта* (горячо, азартно, крайне возбужденно), «гасится» смыслом подзаголовка, что влечет за собой возврат к первоначальному значению слов, составляющих фразеологическое сочетание (прием «буквальзации» фразеологической метафоры); *Женам московского проказника будут связывать ноги* [заголовок]. *Настоящий гарем будет создан на днях на Московском ипподроме для самого красивого жеребца по кличке Проказник* (Московский комсомолец. 2000. 23–30 марта) — контекст заголовка актуализирует ожидание повествования о человеке, которое не реализуется при дальнейшем прочтении текста; *Процентные прибавки к существующим налогообложениям, установленные указами Ельцина в обход Светланы Горячевой, должны привести Россию к стабилизации, которая уже достигнута на Ваганьковском кладбище* (Завтра. 1998. № 31) — эффект обманутого ожидания создается здесь с помощью антифразиса (смысл придаточной части создает контекст, в котором существительное *стабилизация* приобретает значение, противоположное словарному).

На эффекте обманутого ожидания построены многие комические жанры, в которых он достигается использованием паралогических, паразитологических (в частности, паралингвостологических) и параонтоло-

гических приемов. Например: *Я часто просыпаюсь по ночам и, захлебываясь слезами, утыкаюсь в подушку. Я не могу понять, как наш Господь позволил появиться на свет Гитлеру, Чикатило и моей теще Светлане Федоровне* (Комсомольская правда. 2001. 16 марта) — в тексте представлен паралогический риторический прием (так как, очевидно, нет достаточных оснований для приравнивания тещи к Гитлеру и Чикатило) в сочетании со стилистическим приемом (нарушение однородности перечислительного ряда); *Бывшая пассия Билла Клинтона освоила новую профессию — занялась вязанием дамских ридикюлей. <...> А ведь если бы кто-нибудь подарил ей в свое время желанный ридикюль и руки практикантки были бы заняты, глядишь, одним громким скандалом в Америке было бы меньше* (Комсомольская правда. 2001. 30 марта) — в тексте присутствует намек, возникающий как результат нарушения постулата количества информации, следовательно, представлен паралингвостологический риторический прием; *И настали в России смутные времена: лица кавказской национальности стали проверять прописку у работников милиции, а гаишники давать взятки водителям...* (Сегодняшняя газета. 2002. 24 июня) — этот пример демонстрирует параонтологический риторический прием (в тексте задана нереальная, фантастическая ситуация).

Очень распространенное явление современных газетных текстов — конвергенция (взаимодействие) риторических приемов. Например: *Славный «правозащитник» молчал, когда ОМОН ломал кости мирным демонстрантам в Москве в 92–93-м, он воды в рот набрал, когда Ельцин растоптал Конституцию и расстрелял Парламент. Ковалев не издал ни звука, когда из Чечни изгнали 300 тысяч русских, и он же изо дня в день голосил, возмущаясь военной операцией против Чеченских бандитов* (Завтра. 2001. № 17). В этом тексте резкая пейоративная оценка выражается взаимодействием следующих стилистических приемов: градационный синонимический ряд («молчал», «воды в рот набрал», «не издал ни звука»), противопоставленный глаголу «голосил» (антитеза), антифразис («славный “правозащитник”»), гипербола («ОМОН ломал кости мирным демонстрантам»), метафора («растоптал Конституцию»), метонимия («Ельцин растоптал Конституцию и расстрелял Парламент»). *Обманом став директором НИИ, Подонский при помощи группы спившихся кандидатов наук написал докторскую диссертацию на тему «Советский скот. Деление в нелинейных уравнениях», в которой облыжно обвинил советское скотство в бесперспективности* (Литературная газета. 2002. № 42) — комический эффект в этом контексте создается взаимодействием параонтологического риторического приема (диссертация на неправдоподобную тему), полисемического каламбура («советское скотство»), «говорящей» фамилии (Подонский) и архаизма («облыжно»); *Я считаю, что «Портрет Дориана Грея» — это провидческое произведение, а физиогномика — великая наука. Я знаю многих актрис, которые «съели» в своем театре половину коллектива. Сегодня,*

когда они улыбаются, у них изо рта торчат чьи-то ноги (Комсомольская правда. 2002. 1 окт.) — в выделенном тексте взаимодействуют метафора («съели») и параонтологический прием («изо рта торчат чьи-то ноги»).

Разнообразие средств речевой выразительности в газетной публицистике связано с расширением спектра малоформатных комических речевых жанров, в которых риторические приемы всех указанных типов являются их композиционно-стилистической основой. Это касается как прозаических малоформатных комических жанров (к ним относятся, например: анекдот, комический микродиалог, комические поговорки, крылатые слова, лозунги, советы, афоризмы, парадоксы, комические новостийные заметки, рекламные объявления, тесты, гороскопы, «шутки»-приколы и др.), так и поэтических комических жанров, таких, как блицэпиграмма, пародия, фразки разных типов и др. Приведем несколько примеров: *Награжден бесплатной денежной премией* (Литературная газета. 2002. № 37) — шутка-«прикол» строится здесь на основе оксюморона; *У нас такое бытие, что не до сознания* (Литературная газета. 2002. № 37) — здесь в основе «прикола» — прием смысловой и семантической трансформации высказывания «бытие определяет сознание»; *Жизнь — это движение к недвижности* (Литературная газета. 2001. № 48) — амфиболия в основе комического определения; *Свадьба — это контрольный выстрел Амура* (АиФ. 2002. № 3) — в данном примере комическое определение строится на основе метафоры; *Как держать язык за зубами тем, у кого их нет?* (АиФ. 2002. № 29) — полисемический каламбур является композиционно-стилистической основой шутливого вопроса; *Кто там опять протянул в наш карман руку помощи?* (АиФ. 2002. № 21) — в основе шутливого вопроса — антифразис; *В меру выпитая водка хороша в любых количествах* (Твой Додыр. 2001. № 36); *Ничто во внешности мужчины не раздражает женщину так, как отсутствие денег* (Твой Додыр. 2001. № 36) — комические парадоксы, построенные с использованием паралогических приемов.

Примеры риторических приемов в поэтических малоформатных комических жанрах:

Нынче цены смотрят нагло, / ладить с ними все трудней. / Словно приняла «Виагру»: / так и лезут на людей! (Комсомольская правда. 2001. 16 февр.) — комический эффект в этой частушке достигается использованием в ней приема олицетворения; *Лето. Вся в зеленом шуме / Наша милая земляца. / За нее друг другу в Думе / Депутаты портят лица* (АиФ. 2001. № 29) — здесь в основе построения частушки эвфемизм *портят лица* в значении «бьют по лицу».

Из жевательной резинки — / Килограммов из пяти — / Можно вылепить ботинки / Для последнего пути (Твой Додыр. 2001. № 9) — фразка, построенная на риторическом приеме параонтологического типа; *Сизжу за решеткой в темнице сырой, / И пять депутатов на нарах со*

мной (Литературная газета. 2001. № 38) — фрашка на основе реминисценции.

У лукоморья новый русский, / Златая цепь на русском том, / Пиджак малиновый французский, / И телефон мобильный в нем; / А в «Мерседесе» телик «Сони», / В «Фольсвагене-пассат» — второй... / Там чудеса: там вор в законе / Живет на воле, как герой; / Там на невиданных тусовках / Следы невиданных зарплат; / Красотка там в одних кроссовках / свой демонстрирует фасад; / Там стадионы шмоток полны, / Там на заре прихлынут волны / Торговцев темных и лихих; / И взвод омоновцев проворных, / С оружием и в масках черных, / Укладывает наземь их <...> (Литературная газета. 2001. № 23) — пародия на основе приема комической трансформации прецедентного текста.

10 лет назад народу России от еще беззубых младенцев до уже беззубых старцев были вручены ваучеры, каждый из которых будто бы составлял справедливую долю национального богатства, приходящуюся на одного гражданина. Чубайс народу ваучеры дал. / За каждый — по две «Волги» обещал! / Мой — в рамочке на стенке у меня! / Такая вот, друзья, ваучерня! (Литературная газета. 2002. 21–27 авг.) — блицэпиграмма с использованием приема окказионального словообразования («ваучерня») в функции пейоративной оценки.

Если повышение уровня экспрессивности и, следовательно, выразительности современных газетных текстов можно рассматривать как безусловно положительное явление, то обратной стороной этого процесса является ставшее приметой времени нарушение этических норм, проявляющееся в манипулятивном использовании языковых средств (в том числе риторических приемов), в циничности, вульгарности, повышенной инвективности и агрессивности газетного текста. Хотя нарушения этических норм в газетных текстах у всех «на слуху» и «на виду», приведем несколько примеров: *Это уже похоже на кошмар: осенний самолетопад продолжается* (Комсомольская правда. 2001. 4 дек.); *Это не только моральных извратов русского модерна касается, но и торжества плоти, скажем, в русском реализме <...>. Да просто полюбите русскую литературу XIX в. и XX рядом и решайте, где пир духа, а где не пир духа, если уж совсем грубо сказать* (Литературная газета. 2002. № 42); *Левых — рать и правых — рать, нам с тобой на них... плевать!* — заголовок (Комсомольская правда. 2002. 11 дек.); — *А насколько, по-вашему, Путин адекватен в оценке происходящего, видит ли, сколько вокруг него говнюков!* (Комок. 2002. № 38); *Сейчас она ездит каждый день, и я уже не стою у окна. Нет и вечерних историй с квадратными глазами о «мудаках», которые подрезают, — она хорошо ездит* (Комсомольская правда. 2002. 11 окт.); *Шеварнадзе отворотителен. Отворотительней только тухлый осьминог с выпученными мертвыми глазами. <...> Бомбить его — штурмовиками, дальней авиацией, ракетами «Земля-земля», «Москитами», «Ураганами», «Гвоздиками», «Геоцинтами», — засунуть ему в задницу весь этот чудный осенний букет* (Завтра. 2002. № 38).

Перед лингвистами, занимающимися вопросами речевой культуры, стоит проблема формулирования критериев разграничения речевой выразительности, реализующейся в рамках этической нормы, и речевой выразительности, нарушающей эту норму. Для этого необходимо четко определить понятие этико-речевой нормы, дать классификацию разновидностей этико-речевой нормы и типичных нарушений этой нормы.

Более сложным по своей природе нарушением этико-речевой нормы является речевое манипулирование, под которым мы понимаем скрытое (маскируемое) воздействие на сознание адресата посредством тех или иных речевых (риторических) приемов с целью навязывания ему определенных оценок, точек зрения или побуждения его к каким-либо действиям. Проиллюстрируем использование риторических приемов с манипулятивной целью в следующем компактном тексте:

Тяжелое впечатление на сидевших в зале произвел В. Жириновский. Он был явно чем-то удручен. За маской выдающегося политического деятеля с оттопыренной нижней губой угадывалась тревога. Разгадка его депрессивного состояния кроется, видимо, в том, что он опасается предстоящего суда с шефом ФСК С. Степашиным. Напомним, что В. Ж. публично обвинил того в принадлежности к израильской разведке «Моссад». Доказательством того, что причиной депрессии является именно предстоящий суд, служит следующее. Когда после доклада гости стали расходиться, В. Ж. очень резко пробился к С. Степашину, что-то ему энергично говорил, предлагая пожать руку. Когда это не удалось, он все же сунул начальнику ФСК какую-то розовую папку и удалился с гордо опущенной головой. На просьбу нашего корреспондента ответить на вопрос он вдруг произнес: «Где Григорий?» — и в задумчивости удалился (АиФ. 1995. № 8).

В приведенном тексте используются с манипулятивной целью такие приемы, как необоснованная генерализация (имеются в виду якобы все сидевшие в зале), уничижительный антифразис («выдающегося политического деятеля»), прием ассоциативного намека на неискренность объекта («за маской...»), прием актуализации негативной детали в портрете («с оттопыренной нижней губой»), пейоративные характерологические обороты («очень резко пробился», «предлагая пожать руку»), иронический оксюморон («с гордо опущенной головой»), прием умолчания (невербализованность вопроса, заданного журналистом, в сочетании с неадекватным ответом «Где Григорий?»). Все эти риторические приемы при бездоказательности тезиса (в тексте нет достаточных аргументов, подтверждающих, что В. Жириновский удручен ожиданием суда) используются автором заметки для навязывания читателю путем воздействия на его эмоциональную сферу негативного отношения к данному политическому деятелю. Тем самым нарушается этико-речевая норма.

Стремление к повышенной экспрессивности газетного текста приводит иногда к речевым недочетам, выражающимся в неудачном построении или немотивированном использовании риторических прие-

мов, особенно приемов, называемых нами стилистическими. Например: *Когда поведали товарищи (для кого-то вариант — граждане), которым по долгу службы, родиной порученной, положено бдительно охранять покой и средства (в смысле — деньги там всякие, драгметаллы, недвижимость и дррр.) своим менее вооруженных пистолетами и юридической смекалкой аборигенов, временами по Красноярску алчно катится просто-напросто волна-цунами какое-то — грязных обманов, печальными и несчастными жертвами которых оказывались исключительно престарелые старушки, дедушки, внуки и их еще более незащищенные портативными противопехотными минами домашние питомцы (идиотично щебечущие канарейки лимонного окраса, впавшие в маразм мопсы, кастрированные персидские олигофренствующие коты, издыхающие от ожирения, гиподинамии, и морские свинки, даунические хомячки с зубами большими, белые крысы с вечно красными буркалами и даже одна дрессированная чешуйчатопалапа игуана по кличке Примус)* (Сегодняшняя газета. 2002. 19 июня) — семантическая немотивированность ряда фигур (в частности, эпитетов, инверсий) и их неудачное расположение (вторая параграфетеза) в сочетании с неоправданными нарушениями языковых норм («алчно катится просто-напросто волна-цунами», «престарелые старушки») обесмысливают текст и делают трудным его восприятие; *Мы, пишущие, конкретно и образно передаем каждому новому поколению людей всю сумму накопленной мировой информации. Из рук в руки, из книг в книги. Из собственного ума в хранилища суммарного разума ноосферы* (Красноярский рабочий. 2002. 15 июня) — неудачная метафора с затемненной семантической мотивированностью; *Благодаря доблестной ушлости (...как у осла) соседей в Октябрьском районе с поличным задержали квартирного вора...* (Сегодняшняя газета. 2002. 19 июня) — вставная конструкция «...как у осла» семантически не увязывается с понятием ушлости, так же как с существительным «ушлость» не сочетается в норме прилагательное «доблестной».

Вопросы культурно-речевой оценки тропических и фигуральных приемов в современных газетных текстах еще недостаточно разработаны, хотя и привлекли к себе внимание исследователей ([12], [5], [19], [20]).

К речевым недочетам современных газетных текстов относится употребление речевых штампов (первоначально образных выражений, потерявших впоследствии свою выразительность из-за частой повторяемости), например: *Дежурный по городу примет ваш звонок и отправит в «горячие точки» корреспондентов «КП-Красноярск» с наказом «выслушать, разобраться, помочь»* (Комсомольская правда. 2002. 11 окт.); *Хронические заболевания суставов — остеохондрозы и артрозы — настоящий бич человечества* (Комсомольская правда. 2002. 18 окт.); *Судя по высказываниям Сергея Степашина, «зеленый свет» проекту обеспечен* (АиФ. 2002. № 37); *...Крем, получивший название «СОФЬЯ» <...> начал победное шествие по стране, потом перешагнул и ее границы* (АиФ. 2002. № 37); *Понятно, что лекарственный препарат, избавляющий от боли, обречен на успех у пациентов (там же); По экспертным оценкам,*

приблизительно 12–15 процентов весит «административный ресурс» на выборах (Литературная газета. 2002. № 42).

Справедливости ради нужно сказать, что в современных газетных текстах речевые штампы встречаются значительно реже, чем в газетах 20–30-летней давности, в то время как существенно возросла насыщенность газетных текстов экспрессивными средствами.

Выявление обозначенных выше особенностей языка современной газеты (использование жаргонизмов и жаргоноидов в целях экспрессивизации текста, расширение спектра риторических приемов, разнообразие комических речевых жанров и т. д.) позволяет поставить следующие проблемы, как наиболее актуальные:

1. Проблема взаимоотношений языка газеты и — шире — языка СМИ и внелитературных элементов национального русского языка, в том числе и прежде всего — жаргонов. Необходим их объективный анализ с целью выработки критериев разграничения жаргонных элементов как выразительных средств современного русского языка и жаргонных элементов как фактора его засорения и вульгаризации.

2. Проблема создания такой теории фигур (теории речевых, или риторических, приемов), которая обладала бы максимальной объяснительной силой применительно к многообразию выразительных средств языка, в том числе и языка газеты.

3. Необходимы исследования экспрессивных средств языка современной газеты в культурно-речевом аспекте (оценка техники построения, уместности и целесообразности употребления).

4. Поскольку расширение набора выразительных средств языка современной газеты тесно связано с появлением в газетной публицистике новых речевых жанров, возникает необходимость лингвостилистического и лингвориторического изучения этих жанров и их классификации.

5. В связи с заменой набора «старых» речевых стереотипов и штампов новыми, с одной стороны, и ростом разнообразия и частотности приемов экспрессивизации газетного текста, с другой, необходимо осмыслить специфику действия принципа «конструктивно заданного сочленения экспрессии и стандарта», сформулированного В. Г. Костомаровым в начале 1970-х гг. ([14: 245]), в новых условиях.

6. Поскольку свобода слова журналиста в цивилизованном обществе должна осуществляться на этической основе, возникает проблема соотношения этического и неэтического в газетных текстах, необходимость дефинирования понятия этико-речевой нормы, классификации ее разновидностей и выявления ее типичных нарушений.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Раскройте понятия выразительности и экспрессивности.
2. Охарактеризуйте использование в текстах СМИ разговорной лексики.
3. Расскажите об использовании в текстах СМИ жаргонной лексики.

4. Приведите собственные примеры удачного и неудачного использования жаргонизмов.
5. Охарактеризуйте стилистические функции жаргонизмов в текстах СМИ.
6. Расскажите об использовании риторических приемов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора: Материалы к словарю. М., 1991.
2. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998.
3. Виноградов С. И. Язык газеты в аспекте культуры речи // Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996. С. 281–317.
4. Герд А. С. Несколько замечаний касательно понятия «диалект» // Русский язык сегодня: Сб. ст. Вып. 1 / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2000. С. 45–52.
5. Голуб И. Б. Стилистика русского языка. М., 1997.
6. Горбаневский М. В., Караулов Ю. Н., Шаклеин В. М. Не говори шершавым языком: О нарушениях норм литературной речи в электронных и печатных СМИ / Под ред. Ю. А. Бельчикова. М., 1999.
7. Ерофеева Т. И. Социолект в стратификационном исполнении // Русский язык сегодня: Сб. ст. Вып. 1 / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2000. С. 85–92.
8. Журналистика в 2001 г.: СМИ и вызовы нового века: Тезисы научно-практ. конф. Часть X. М., 2002.
9. Журналистика и культура русской речи. Вып. 1–11. М., 1996–2000.
10. Засурский Я. Н. Язык третьего тысячелетия // Журналистика и культура русской речи. 2002. № 1.
11. Кемеров В. Е. Норма // Современный философский словарь / Под общ. ред. В. Е. Кемерова. Лондон; Франкфурт-на-Майне; Париж; Люксембург; М.; Минск, 1998. С. 579.
12. Копнина Г. А. Неудачное использование стилистических приемов в газетно-публицистических текстах // Международная конференция «Журналистика и культура русской речи на переломе тысячелетий»: Рабочие материалы. М., 2002. С. 55–57.
13. Костомаров В. Г. Русский язык на газетной полосе. М., 1971.
14. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой массмедиа. СПб., 1999.
15. Крысин Л. П. Русский литературный язык на рубеже веков // Русская речь. 2000. № 1.
16. Крысин Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989.
17. Международная конференция «Журналистика и культура русской речи на переломе тысячелетий». Москва: МГУ, 2002.
18. Мокшенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона. СПб., 2001.
19. Москвин В. П. Стилистика русского языка: Приемы и средства выразительной и образной речи (общая классификация). Волгоград, 2000.
20. Муравьева Н. В. Риторические средства: от практики к теории и обратно // Речевое общение: Специализированный вестник / Под ред. А. П. Сковородникова. Вып. 2 (10). Красноярск, 2000. С. 27–33.
21. Немищенко Г. П. К проблеме функциональной дифференциации этнического языка // Русский язык сегодня: Сб. ст. Вып. 1 / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2000. С. 208–220.
22. Панова М. Н. Этика речевого общения на государственной службе // Русская речь. 2002. № 5.
23. Поэтика публицистики: Сб. М., 1990.
24. Розина Р. И. От происшествий к действиям (семантическая деривация как способ пополнения общего жаргона) // Русский язык сегодня: Сб. ст. Вып. 1 / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2000.

25. Сиротинина О. Б. Русский язык в разных типах речевых культур // Русский язык сегодня: Сб. ст. Вып. 1 / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2000.
26. Сиротинина О. Б. Современный публицистический стиль русского языка // Русистика. Russistik. 1999. № 1–2. С. 5–17.
27. Сковородников А. П. О состоянии речевой культуры в российских СМИ (Опыт описания типичных нарушений литературно-языковых норм) // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Научно-метод. бюл. Краснояр. гос. ун-та / Под ред. А. П. Сковородникова. Вып. 7. Красноярск, 1998. С. 10–19.
28. Сковородников А. П. Фигуры речи в современной российской прессе // Филологические науки. 2001. № 3. С. 74–80.
29. Сковородников А. П. О системном описании понятия «стилистическая фигура» // Русская речь. 2002. № 4. С. 62–67.
30. Сковородников А. П., Копнина Г. А. Об определении понятия «риторический прием» // Филологические науки. 2002. № 2. С. 75–80.
31. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1985–1988.
32. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Г. Н. Складневской. СПб., 1998.
33. Тошович Б. Семантическая структура жаргонных глаголов // Русский язык сегодня: Сб. ст. Вып. 1 / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2000.
34. Трескова С. И. Социолингвистические проблемы массовой коммуникации. М., 1989.
35. Черняк В. Д. Синонимическое варьирование в современной речи // Русский язык сегодня: Сб. ст. Вып. 1 / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2000.
36. Шапошников В. Н. Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отображении. М., 1998.
37. Ягубова М. А. Газетный текст и речевая культура человека // Вопросы стилистики: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1998. С. 179–187.